

ДВИНСКИЙ БЕРЕЖОК

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНЫЙ ВЕСТНИК

№17 СЕНТЯБРЬ 2018 ГОДА

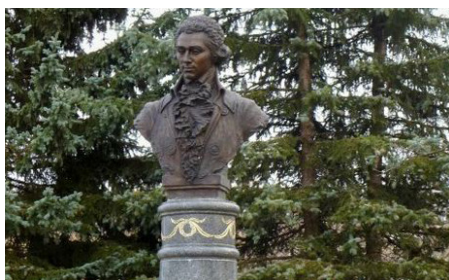
• Памятники Тверской провинции

Знаменитому архитектору

Город Торжок не является областным центром, но это не мешает ему быть одним из культурных и туристических центров Тверской области. Памятник местному уроженцу, прославленному архитектору Н.А.Львову - один из тех объектов, которые представляют интерес для гостей этого города. Он был установлен 13 июня 2004 года. Памятник был создан по инициативе представителей фонда Н.А. Львова и при непосредственном участии администрации города Торжок. Памятник создан архитектором В. П. Городовичем, а бюст выполнен скульптором Карпенко Ю.П. Львов Н.А. был прославленным и талантливейшим архитектором, поэтом и музыкантом. Именно он является автором многочисленных зданий в городе.

В кругу литераторов (Державин, Капнист, Хемницер, А.В. Храповицкий, Муравьев, А.М. Бакунин, позднее - А.Н. Оленин) Львов считался «гением вкуса»; помогал своим друзьям советами, часто правил их рукописи. В литературном наследии Львова - шуточные поэмы, лирические стихотворения, дружеские послания.

В 1780-х гг. развернулась архитектурная деятельность Львова: утверждены проекты собора Св. Иосифа в Могилеве и Невских ворот Петропавловской крепости в Санкт-Петербурге; построил Троицкую церковь, здание Почтамта в Санкт-Петербурге, Борисоглебский собор в Торжке и др. Львов проектировал и строил усадебные сооружения, в т.ч. церковь и колокольня в селе Арпачево в Тверской губернии. Автор «образцовых проектов» почтовых станций для губернских и уездных городов (построены в Твери, Торжке). В 1786 Львову присуждено звание почетного члена Академии художеств.

« В Ы НАПРАСНО УСНУЛИ... »

Василий РЫСЕНКОВ

г. Торжок

Родился в Новгородской области в 1966 г. Рос в деревне Воропуни Торжокского района, недалеко от села Берново, где бывал в гостях у друзей А. С. Пушкин. Закончил среднюю школу им. А. С. Пушкина в этом селе. Служил в Советской армии, окончил аграрный ВУЗ, работал агрономом и учителем.

Литературным творчеством начал заниматься после армии. В настоящее время преподаёт литературу и ряд других дисциплин в колледже Росрезерва города Торжка. Автор шести сборников стихотворений, серии детских сказок «Королева Хомяков» и нескольких юмористических рассказов.

Член Союза писателей РФ, член областной творческой ассоциации «Содружество литераторов Верхневолжья». Лауреат премии им. М. Е.Салтыкова-Щедрина 2002 года, один из победителей конкурса «Золотое перо России» 2009 года, лауреат международного фестиваля авторской песни «НОРД-ВЕСТ» в номинации «поэт» 2011 года, победитель третьего международного поэтического конкурса «45-й калибр», обладатель гран-при 2015 г.

1

Ястребиное крыло
Улеглось на ветер жёсткий.

Там – лимонное тепло
Угасающей берёзки.
Там, над зрелой тишиной,
Разорвётся птичья нота.
Там холодный и сквозной
Сон осеннего болота.
Перебродит в небе муть,
И зима захлопнет двери...
Улетаешь? – В добрый путь!
Остаёшься? – Тёплый берег!

2

Я мечту свою несу.
Чтоб сбылась, всего-то надо
Постоять в ночном лесу
В эпицентре листопада.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ

Мы не сражаемся, не горим.
Страшное – за поворотом где-то.
Новые варвары в новый Рим
Входят с рекламой из интернета.
Листья и снег заметут крыльцо...
Не рассветает над жизнью грубой.
Ждал я, что время откроет лицо
Или хотя бы оскалит зубы.
Враг, отзовись! Посмотри в глаза!
Остановись на распутье мгlistом!
Станут ли юрта, изба и фанза
Лишь экспонатами для туристов?
Пусто и холодно над толпой.
Фразы бессмысленны. Жесты
дики.

Трудно решить: то ли я слепой,
То ли родившийся век – безликий.
Чем бы ни кончился новый тайм –
Мне и сегодня итог понятен...
Скучно под небом без синих тайн
И без таинственных белых пятен.
Дым над трубой. Горизонт голубой.
И, подтверждая, что утро в силе,
Первый автобус ведёт за собой
Выводок грязных автомобилей.

(окончание на стр. 2).

стр. 1

(начало на стр. 1).

ДОБРОЕ УТРО, ТОВАРИЩИ!

Раннее утро – агония ночи.
Свет не включился – фонарь ищи.
Радио всхлипнет и забормочет:
«Доброе утро, товарищи!»
Что-то не так...
Ты услышал? Заметил?
Сбиты планет траектории...
Кто-то из нас наступил на рассвете
Снова на грабли истории.
А за окном, за туманною ватой –
Домики, временем смятые.
Год там – какой-нибудь тридцать
девятый...
Лучше б семидесятые!
Где ты проснулся?
Капкан. Засада.
Дьявольская ирония...
Смутно маячит овин за садом.
Там ведь росла арония!
Ночь размывается слой за слоем.
Первый дымок в округе.
Ты же хотел заглянуть в былое?
Что ж ты теперь в испуге?
Кто тебе выдаст обратно визу?
Бред – за оконной рамой.
Вдруг засветился во тьме телеви-
зор,
Плонул в рассвет рекламой.

* * *

Вот эта поднебесная тоска
И есть Россия, Родина, Рассея.
Слепой народ бредёт через века,
В любом тиране видя Моисея.
И долог путь позора и утрат,
Но каждый «сам обманываться рад».

Наследство долгой сталинской
зимы –
Не красные, но кровавые даты.
Девиз «Мы не рабы, рабы не мы»
Читали дети в азбуке когда-то.

Но очень узок Вечности проём,
И даже там, где соберутся двое,
Не улетает слово воробьём –
Его поймают, тёплое, живое.
И будут тайны русские страшны,
И не видна весна из-за войны.
Из этой предрассветной долгой
тьмы,

Где есть простор и снам, и
привиденьям,
Опять «Мы не рабы, рабы не мы»
Звучит вопросом или
утверждением?

СРОК ДАВНОСТИ

Да, кому-то – грязь, а кому-то –
высь.
Если жить боишься – кино смотри.
Не умеешь плакать, так улыбнись,
Чтоб не взорвало тебя изнутри!
За овечьим выгоном вздыбил
шерсть
Волчий лес, которому нет конца.
Где палаты царские – №6,
Мира нет ни хижинам, ни дворцам.

Кто растил детей и сажал сады, -
Не услышал смех, не увидел цвет.
Где там сроки давности у беды,
Коль Октябрь длится уже сто лет?

Может быть, вернётся покой к
Земле,
Бархатный осенний придёт уют,
Если по окопам, в болотной мгле,
Все винтовки Мосина догнут.

До холодных сумерек, до звезды,
Словно вспоминая чужой урок,
По лесам ораторствуют дрозды,
Да рябины – флагами – вдоль
дорог.

МАЙ

Дразнит надеждой, стихами
лучшими,
Катится, мчится... Держи!
Поймай!
Тьмою и светом, цветами, тучами –
Молниеносный, гремящий май.

Есть искупление, оправдание
Птичьей бессонницы, тёплой мглы,
Ведь от расцвета до увядания –
Только один перелёт пчелы.

Трелями ранит, слепит закатами,
Шепчет: «Рассудок оставь,
забудь»...
В мае до царства, до Тридесятого,
Кажется, самый короткий путь.
Ты донесёшь к огоньку
рассветному

Мятой травой первоцвет в горсти.
Пешему, конному, мотоциклетному
Майских распутий не обойти.

Вот и брожу, и стою некстати я,
Тень прищемив, позабыв дела...
Жизни и тлена рукопожатие –
Лес, где черёмуха отцвела.

БЕЛОВЕЖСКАЯ ПУЩА

Не слезинкой-смолой заповедной
сосны
Ты запомнишься всем, в эти годы
живущим,
А бездарным финалом советской
страны,
Беловежская пуца...

Так же птицы купались в потоках
зари...
Сердце зверя не знало ни даты, ни
года.
На охоту сюда приезжали цари,
Здесь хмелели от воздуха «слуги
народа».

Только людям по кругу бродить
суждено,
И глубокие старцы однажды
видали,
Как Россия, доехав до станции
Дно,
Покатилась в багровые страшные
дали.

Пусть и благостны в этих краях
вечера,
Засыпать не пора. Вы напрасно
уснули...
Приговоры подписывать будут
ветра,
Будут холод, и тиф, и бандитские
пули.

И ещё не однажды припомнишься
ты,
Если бред всё реальней,
настоячивей, гуще,
Если будут глаза и прилавки
пусты,
Беловежская пуца,
Беловежская пуца...

«Вера. Держава. Народ».

«ГЛАВНОЕ НАЧАЛО РУССКОЙ ИДЕОЛОГИИ – ЭТО ВСЕ-ТАКИ СОБОРНОСТЬ», -

Валерий ГАНИЧЕВ

8 июля 2018 года на 85-м году ушел из жизни русский писатель, заместитель главы Всемирного Русского Народного Собора Валерий Николаевич Ганичев. В память о нем помещаем фрагменты беседы с ним, проведенной сотрудниками Института русской цивилизации, опубликованной в книге «Вера. Держава. Народ».

В повествовании В.Н. Ганичева о себе, людях эпохи, русском вопросе через призму интересующих вопросов о государственной идеологии мне бы хотелось выделить следующие моменты, относящиеся в том числе к наследию и вкладу великих современников Валерия Николаевича.

– В журнале «Молодая гвардия» я получил большую духовную закладку. Пригласил меня Анатолий Васильевич Никонов, – говорит Валерий Николаевич, видимо, о 1960-м годе, – великий человек, главный редактор журнала «Молодая гвардия». Конечно, я у него многому научился...

И далее:

– В журнале печатались такие произведения, как, например, книга Виктора Курочкина «На войне как на войне»... Приходил печататься Владимир Солоухин, приходил Илья Глазунов, мы печатали его повесть «Дорога к тебе».

– Я 10 лет возглавлял издательство «Молодая гвардия»... К этому времени я уже получил обкатку, понимание многих вопросов и у Никонова, и у Солоухина, и у Глазунова, и в различного рода источниках, которые было тяжело достать, но все-таки мы читали и Ивана Ильина, читали многие произведения довоенного порядка вроде Розанова, Хомякова, и многое

в этот момент становилось ясно.

– В 1972 году мы выпустили книгу «О, русская земля». Это антология русской поэзии.

Она начиналась со «Слова о законе и благодати» митрополита Илариона, а заканчивалась сегодняшним поэтом – «Хотят ли русские войны»... На книгу обрушились. И не кто иной, как академик Лихачев. У нас там было стихотворение Н.М. Языкова «К ненашим»... Друг Пушкина, человек целенаправленный... И вот его стихотворение «К ненашим» сродни стихотворению «Клеветникам России»... Тогда выходит «Советская Россия», газета ЦК партии, с письмом за подписью Д.С. Лихачева и двух докторов наук о том, что методологически неправильно, что издательство выпускает книгу, а там такое стихотворение «К ненашим», которое критиковал Герцен, критиковали революционеры-демократы... А подпись Лихачева в определенное время была уже приговором.

– Помню, проходил семинар-совещание секретарей ЦК комсомола. Там выступал некто А. Яковлев... Он был заведующим отделом пропаганды ЦК КПСС... И вот он вдруг стал крушить русскую линию, и там находятся такие писатели, как Солоухин, Ланщиков, Палиевский, Жуков, – это все наши авторы. Потом он оборачивается ко

мне и заявляет: «Вот сидит вроде умный человек Валерий Ганичев, но по страницам его книг издательства “Молодая гвардия” бродят попы, стоят кресты, церкви! А где самолеты, где космические спутники?»

– Мы выскочили из этого знаменитого обвинения Яковлева, который через несколько дней выпустил свою знаменитую антирусскую статью «Против антиисторизма», в которой нам досталось по первое число. Это был ноябрь 1972 года. И не где-нибудь он поместил эту статью, а в «Литературной газете»... И тогда проходило заседание ЦК, и Брежнев обратился к Суслову: «Ты читал эту статью?» Ну тот знал, как себя вести: «Нет, я в глаза ее не видел!» Брежнев ответил: «Ну тогда – убрать этого засранца!» Это Яковлева.

И в тот же вечер его назначают заместителем главного редактора издательства «Профиздат», то есть полное понижение. И, говорят, уже тем вечером он лег в больницу: с больными людьми поступают гуманнее... В итоге его отправляют послом в Канаду...

– А что касается Шолохова, то еще, будучи в отделе пропаганды, я организовал семинар – не где-нибудь, а в Вешенской... Мы

(продолжение на стр. 4).

(начало на стр. 3).

поговорили с ним (Шолоховым) и подготовили отряд молодых писателей – человек тридцать, которые поехали туда. Причем с нами – о, счастье великое! – оказался Юрий Алексеевич Гагарин.

– Он (Шолохов) говорил по холокосту, например. Я говорю: «Михаил Александрович, почему из всего, а всего Советский Союз потерял 17 миллионов гражданских жителей и 9 миллионов солдат, выделяется только одна категория?» А он ответил: «Ты знаешь, мы же не антисемиты? Ни в коем случае! Это они там русофобы. И знаешь, что? Мы свои жертвы подавали как героев, героев войны, а они – за жертвы. А Европа – она не хочет героев прославить, она помнит только жертвы. И отсюда – жертвы холокоста, отсюда – деньги, отсюда – возможности».

– Достоевский говорил, что русский человек – всечеловек, то есть мы объединяем боли и радости всего мира. Поэтому мы, например, сочувствуем бомбардировке Дрездена во время войны, хотя это наш враг, поэтому мы сочувствуем населению Хиросимы и Нагасаки, хоть и это во время войны. Поэтому мы признаем холокост, но требуем, чтобы признали 16–17 миллионов погибших во время войны граждан. Ну пусть 2–3 миллиона других среди них, но 15–16 миллионов – это русские люди, славяне. И мы должны это подчеркивать. И мы не с ненавистью относимся, а с требованием, чтобы это нам учили.

– Затем Пастухов, первый секретарь комсомола, говорит: «Вот все жалуются, что “Комсомолка” – не патриотическая газета, пацифистская газета... вот мы и просим тебя ее возглавить». Я говорю: «Не хочу. Я не люблю газеты – я люблю издательства...». Но уговаривали... Ну я пошел. Честно говоря, «Комсомольская правда» – это была тяжелая работа. Может быть, я был

первым русским редактором в этой газете. Но дело в том, что у них была своя специфика: действительно, она была пацифистской, действительно, непатриотической, действительно, там не было русских писателей. Когда я пришел, то где-то 200, а то и больше русских писателей впервые появилось на ее страницах. И Анатолий Иванов, и Василий Белов, там и Бондарев, там и Владимир Фирсов.

– Первое, что я сделал (на посту главного редактора «Роман-газеты»), – это предложил издать Василия Белова... И пошло! В «Роман-газете» мы стали издавать массу значительных народных писателей... «Роман-газета» – целый период моей жизни – большой, очень важный... В эти месяцы я написал «Рос непобедимый» – роман о выходе России к берегам южного моря.

– Какие дела своей жизни считая главными? Всемирный Русский Народный Собор. Это, конечно, сверху было дано: вместе с Олегом Васильевичем Волковым, вместе с Натальей Нарочницкой, Юрием Луньковым и, главное, митрополитом Смоленским и Калининградским Кириллом мы собирались... А в это время было веяние по созданию различных русских движений: у генерала А.Н. Стерлигова «Русский Национальный Собор», С.Н. Бабурин собирал РОС, А.В. Руцкой собирал «Державу». Это все имело смысл: тоже нащупывание каких-то путей, но именно Всемирный Русский Собор – это то истинное, что должно было быть у нас в обществе. Почему? Потому что тут вспоминаются – и я их привожу на каждом Соборе – слова Н.В. Гоголя о том, что если в России что-то создается, но не благословлено Церковью, то это не очень жизнеспособно. А это было сразу благословлено Церковью, и владыка Кирилл – он тогда был еще митрополитом – увидел, что это очень важно...

– Первый Собор (май 1993 г.) проводим на Патриаршем подворье

Свято-Данилова монастыря... Мы завершили принятием документа, утверждением русского начала. Вечером нас принял Патриарх Алексий II, который был очень доволен, что создана такая общественная организация. Он все время подчеркивал, что Всемирный Русский Собор – это не Собор Церкви, а Собор общественных сил, в котором принимает участие Церковь... Второй Всемирный Русский Собор прошел в 1995 году уже в Колонном зале Дома Союзов, но вот после него кое-кто решил, что Собор можно приватизировать, то есть переписать на себя... А потом митрополит Кирилл сказал: «Давайте создадим или продолжим нашу организацию, но добавим к названию, например, “Народный Собор”!» И вот по этой схеме ВРНС, общественная организация русских людей – как форум, как трибуна – с тех пор действует, и тогда мы приняли решение, что главой Собора всегда является Патриарх.

– Наверное, это одно из самых главных дел моей жизни. А второе – это, конечно, Ушаков... Так же, как дело, которое мне поручил Господь Бог – быть во главе Союза писателей России. Вот сейчас (2014 год) разрабатывается стратегия – межнациональных отношений. В этой стратегии в том варианте, который я видел, не упоминались слова «русский народ», «русская культура»... Сейчас среди населения России русских – 83%, а такого не бывало никогда: ни до революции, когда существовало множество национальных окраин, ни в Советском Союзе. И как же мы можем не учитывать эти 83%?.. Почему мы все время говорим о меньшинствах? Конечно, мы должны их признавать и говорить, но большинство народа: почему оно вдруг вычеркнуто? Поэтому мы предлагаем документ – это или положение, или стратегия о русской нации, о русской цивилизации, – не противопоставляя другим народам – а соединяя, осмысливая. Не надо бояться этого!

(продолжение на стр. 5).

(начало на стр. 3-4).

– Главная идея для большинства нашего народа – это идея русского народа, идея служения державе, государству, идея служения Отечеству нашему. А главное начало русской идеологии – это все-таки соборность... – Когда русские люди собирались вместе – они побеждали, они всегда были на высоте. Хотя это нелегко.

А вот что говорил Валерий Николаевич по итогам работы XIV ВРНС, отвечая на мои вопросы в 2010 году:

– Наши решения и резолюции в той или иной степени всегда находили отражения в деятельности органов государственной власти. Так, например, несколько лет назад власти, наконец, признали наличие демографической проблемы, хотя Собор об этом говорил еще в середине 90-х годов... Но, с другой стороны, многие наши начинания не находят должного понимания со стороны государственных органов...

– Тема соотношения прав, свобод человека и морали основополагающая. Мы говорили (на Соборе еще в 2006 году), что постоянно приходится сталкиваться с фактами, когда правами человека часто прикрываются ложь, невежество и грехопадение... Опаснейший либеральный принцип, по которому права отдельного человека превалируют над интересами общества, стимулирует эгоцентризм, приводит к подмене понятий добра и зла, в конечном счете разрушает государство.

– А на XIII ВРНС мы говорили об алкогольной угрозе, о том, что это зло просто косит ряды молодежи. Эта проблематика вошла в нашу общую резолюционную часть. И мы видим, что государством сейчас осуществляются конкретные меры по борьбе с алкоголизацией и пьянством.

– Не осталась без внимания Собора (XIV ВРНС) практика ликвидации так называемых «малокомплектных» школ. Между тем

расформирование таких школ под предлогом «оптимизации» бюджетных средств приводит фактически к ликвидации деревень. А Россия во все времена была сильна своей провинцией. Мы создали при Союзе писателей России и Всемирном Русском Народном Соборе Совет по возрождению российской 1 марта 2018 года об этом – об отказе от процесса «оптимизации», поддержке малых городов и селений – прямо и недвусмысленно заявил В.В. Путин в своем Послании Федеральному Собранию.

...В материале, посвященном приближающемуся 25-летию ВРНС, сопредседатель Правления Союза писателей России С.И. Котьяло, стоявший также у истоков создания ВРНС, рассказывает о событиях, предшествующих созданию ВРНС, главного дела В.Н. Ганичева, как он сам определяет. И начинает С.И. Котьяло с самого-самого начала...

«Все началось со знаменитого Обращения к молодежи “Берегите святыню нашу”. Основная его мысль: беспамятство – это безнравственность, строить будущее можно только при бережном отношении к своему прошлому. Воззвание подготовили в редакции журнала “Молодая гвардия” главный редактор журнала Анатолий Никонов, Сергей Высоцкий, Валерий Ганичев, Владимир Десятников... В мае 1965 года оно опубликовано в журнале “Молодая гвардия”... Уже в июле 1965 года было образовано первое общественное объединение единомышленников – ВООПИК (Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры). В оргкомитет вошли: П. Барановский, писатель Л. Леонов, художник И. Глазунов, В. Кочемасов, А. Садов и В. Ириков... В этот же период, на VIII пленуме ЦК ВЛКСМ... (27 декабря 1965 года), Ю.А. Гагарин призвал власти страны восстановить Триумфальную арку и Храм Христа Спасителя как памятники победителям Оте-

чественной войны 1812 года. По Триумфальной арке властью страны решение было принято тогда же, а вот вопрос о восстановлении Храма Христа Спасителя растянулся на долгие десятилетия...

Новым этапом духовного возрождения стала подготовка к празднованию 1000-летия Крещения Руси в середине 80-х годов прошлого века. Эта символическая дата разбудила лучшие силы и умы деятелей культуры и науки... В 1987 году образуется Товарищество русских художников, куда вошли: режиссеры С. Бондарчук и Н. Михалков, писатели В. Лихоносов, В. Распутин, Ю. Лошиц, С. Лыкошин, Ю. Юшкин, В. Калугин, философ Э. Володин и многие другие. Именно они в 1989 году инициировали восстановление Храма Христа Спасителя...

И собственно о ВРНС:

«Общественные неполитические организации: Всемирный русский конгресс, Всероссийский Русский Собор, Марфо-Мариинское православное сестричество Феодоровской иконы Божией Матери, Всемирный русский университет..., издательство “Роман-газета”, журналы “Наш современник” и “Москва”, газета “Литературная Россия” и другие выступили с инициативой создать в 1993 году в городе Москве I Всемирный Русский Собор, определив тему “Российская соборная мысль”.

26 мая 1993 года участники встречали в Свято-Даниловом монастыре Патриарха Московского и всея Руси Алексия II как последнюю надежду, как единственную незыблемую духовную соль и твердь... В.Н. Ганичев в своем слове на открытии Собора обозначил параметры неполитического представительства участников дискуссий: “Во избежание конъюнктурно-политического характера выступлений и принимаемых

(окончание на стр. 6).

(начало на стр. 3-5).

документов на Соборе не представляются политические партии и организации, а в работе Собора принимают участие только в личном качестве специалисты в области богословия, истории, экономики, науки, культуры...” Собственно, Первый Собор задал вектор мирного возрождения Отечества на десятилетие вперёд и предложил механизмы по ее реализации. К сожалению, сторона власти пре-

зидента Ельцина не услышала предложения Собора и реализовывать его решения пришлось уже в новых исторических реалиях, после расстрела Российского парламента и его защитников».

У Всемирного Русского Народного Собора, считаю, неисчерпаемый потенциал, если ему в настоящее время придать дополнительный импульс. Этот форум, несомненно, способен внести решающее значение в вопрос оформления и при-

нятия государственной идеологии на основе национальной идеи. Как жаль, что уже нет возможности опереться в этом на Валерия Николаевича... Но вклад В.Н. Ганичева как в сохранение русской писательской организации, как в деятельность и в разработки ВРНС, так и в изложение национальной идеи России переоценить невозможно.

Андрей СОШЕНКО

(«Русский вестник», №14, 2018)

Лидия ГОМЗЯКОВА

г. Тверь

Лидия Георгиевна Гомзякова родилась в деревне, в Удомельском районе Тверской области. Много лет учительствовала, сейчас на пенсии. Живет в Твери. Автор семи книг поэзии и книги заметок о тверской литературе.

ТВОЯ НОША

У каждого ноша своя,
Легка, тяжела ли – неси!
В какие б ни шёл ты края,
о помощи вслух не проси.
Твоя это ноша, твой крест.
Он послан тебе наперёд.
Незримый божественный перст
по жизни надёжно ведёт.
И надо-то сущий пустяк:
до финиша честно дойти.

«ИДУ НЕ В РАЗРЕЗЕ ПОЛИТИКИ...»

Пусть сердце твоё, как маяк,
Поможет не сбиться с пути.

НЕ В НОГУ

Иду не в разрезе политики
и взглядов своих не таю.
Кричат ошалелые критики:
«Нет места ей в нашем строю!»
А я и попытки не делаю
печатью заверить свой стих.
Как прежде не правой, а левою
шагаю спокойно без них.

Наверно, к немалому счастью
в компартии быть не пришлось.
Зачем же и с новою властью
шагаю не в ногу, а врозь?
Была ли то Господа волюшка
в огне несогласья гореть?
Мне выпала горькая долюшка
о гибели Родины петь.

Была она гимном движению,
планетой, где радость и свет.
И нет никакого сравнения
с бездушием нынешних лет.
Покрылись лесами дремучими
былые уголья страны.
И все горизонты за тучами
давно никому не видны.

И пусть меня быют равнодушием,
пусть дружеских рук не найти.
Я счастлива, что малодушием
ничуть не страдала в пути.

БАГРЯНЫЙ КОСТЁР

Красивое прячется рядом.
Я с ним на свиданье иду
неспешным прогулочным шагом
по узкой тропинке к пруду.

Там дол, озаряя кистями,
внизу за пологим бугром,
привольно раскинув ветвями,
пылает калина костром.

И глаз оторвать невозможно!
Для песни не хватит здесь нот.
Срываю, кладу осторожно
багровую ягодку в рот.

И морщусь. Невкусно! Однако,
едва лишь ударит мороз,
начнётся здесь птичья атака,
а кто победит – не вопрос.

Достанется всем понемножку –
потухнет багряный костер.
Последнюю ягодку-брошку
случайный сорвёт визитёр.

И мне почему-то так грустно
покинуть чудесный лужок.
Прекрасное чаще невкусно,
ты помни об этом, дружок!

ЭТО Я!

Сплавом полнится речонка.
Грузно лес плывёт по ней.
Мне привиделась девчонка
давней юности моей.

(окончание на стр. 7).

(начало на стр. 6).

Ни колец, ни ярких брошек!
Ситец – первозданный цвет:
то в оранжевый горошек,
то в берёзовый рассвет.

Юбка – сущая забава.
Туфли марки «Скороход».
Из ворот выходит пава.
Расступись, честной народ!

Рубль потратила последний.
Рот разинув, крикнул дед.
Парень с улицы соседней
улыбается ей вслед.

Смущена, но лишь немножко.
Брови – чёрный полукруг.
По тесовой по дорожке
каблучков задорный стук.

Что же мне в ней так знакомо?
Да и выправка моя,
как на фото из альбома.
Пригляделась - это я!

Это я в наряде новом
прохожу (зовут дела!)
по мосточкам по тесовым
Вилегодского села.

ТАЕТ СНЕГ

Посмотри – оседают сугробы,
тает снег даже в пасмурный день.
И ручьям из холодной трущобы
пробиваться на волю не лень.
Торопливо снуют, словно дети,
шаловливо по льдинкам звеня.
Вот и я попадаю в их сети,
и захлопал сапог у меня.

Кто-то скажет: «Здесь радости
мало!»

Только, может, себе на беду
я пешком от Речного вокзала,
словно в детство, по лужам иду.
Захожу в чистый дворик под
крышу,
чтоб унять в сапоге шлепоток,
Мне приятно, что всё ещё слышу
талых вод пробивной шепоток.

НА ДРУГОМ БЕРЕГУ

Сто закатов и зорь пролетели,
как одна бесконечная ночь.

Ровно столько зарубин на теле,
и забыть мне их будет невмочь.
Можно верной женой притворяться
и всю жизнь с нелюбимым
прожить.

Слишком трудно в измене
признаться –
легче просто позволить любить.
Я, возможно, во всём
ошибалась...

Хочешь, милый, уйти помогу?
Понимаешь ли, я ведь осталась,
но стою на другом берегу.

ВЫСТОИМ!

Вам не сломить присущего нам
духа,
и санкции нам тоже не страшны.
Затянем ту же алчущее брюхо
и как-нибудь дотянем до весны.
А там смотри на землю веселее,
она тебе кормилица и мать.
Бери лопату, силы не жалея,
пришла пора и сеять, и пахать.
И не пугайся, коли под ногою
земля, как вопль покинутой вдовы,
почти мертва. Не ты тому виною!
И рыба гнивает с головы.
Инфляция – гроза для частных
банков.

Пусть плачут о потерях господ.
Но для сельчан без званий и без
рангов
не страшен будет кризис никогда.
Вставая, земляк, согрей дыханьем
поле,
оно тоскует по твоим рукам.
С землёй сродниться – дело не
простое,
но всё по силам русским
мужикам.

МЕХАНИЗАТОР

Борису Лобанову

Нельзя сказать, что был бедовый.
Скорей, спокойнее других.
Хороший рост. Белоголовый.
И в доску свой среди своих.

В его краю морозы круче
и хризантемы не цвели.
Но парень знал, что нету лучше
Ильино-подомской земли.

Он слово дал ещё парнишкой,
что эту землю не предаст.
И за неё победной фишкой,
коль надо, жизнь свою отдаст.

Он трудно жил. Водил машины,
ломал стартер десятки раз.
Менял проколотые шины
и терпеливо жал на газ.

А коли лопнет карбюратор
Или откажут тормоза,
часами ждал эвакуатор,
надвинув кепку на глаза.

Он в дом входил полноточной те-
мью,
замёрзший, грязный, чуть живой.
Пушистый кот с завидной ленью
о ноги терся головой.

Он эту землю русским матом
не раз с досады обложил.
Но за неё себя сосватал
и с ней в обнимку жизнь прожил.

У БРАТСКОЙ МОГИЛЫ

Накрыло бойца возле вала.
Подняться он больше не смог.
И кровь тонкой струйкой стекала
из напрочь оторванных ног.

Лежал он в бесчувственной коме,
ни крика, ни стога, ни слёз.
Над ним шелестели в истоме
плакучие ветви берёз.

Винтовка придавлена боком.
Лицо побелело, как мел.
Фашист, поравнявшись с окопом,
бойца пристрелить не посмел.

Кружили вороны над полем.
Звенел ручеек: «Динь-динь-
динь...»
В глазах его вечным покоем
застыла небесная синь.

Теперь он вот в этой могиле
героем средь равных лежит.
и знает, что всё ещё в силе
девиз тот: «Никто не забыт!»

• Литературное краеведение

Алексей ПЬАНОВ

Алексей Степанович Пьянов родился 15 марта 1934 года в г. Уссурийске, Приморского края. Окончил факультет журналистики Среднеазиатского Государственного Университета. Работал корреспондентом газеты «Физкультурник Узбекистана» (Ташкент). В 1958 году переехал в Калинин (Тверь). Работал заведующим отделом молодежной газеты «Смена». Затем в Омске был старшим редактором студии телевидения.

По возвращении в Тверь работал редактором газеты «Смена», заведующим сектором печати, заместителем заведующего отделом пропаганды обкома КПСС. Позднее заместитель главного редактора журнала «Юность». С 1985 по 2000 год возглавлял журнал «Крокодил». Автор книг стихов и литературных пародий, а также книг о жизни и творчестве А.С. Пушкина: «Берег, милый для меня», «Мои осенние досуги», «Под голубыми небесами», «Пушкинский альбом», «По гордым волжским берегам» и др.

Лауреат премий журналов «Смена», «Крокодил», «Литературной газеты», Международного фестиваля сатиры и юмора «Золотой Остап» (Санкт-Петербург). Скончался 19 декабря 2014 года.

БАЛЛАДА О ПУТЕВОМ ДВОРЦЕ

Олегу Комову

Погожий майский день,
Весёлый, бестолковый.
Свиристует сирень

стр. 8

«РАСТАЕТ МИГОМ СНЕГ

ТВОЕЙ ПЕЧАЛИ...»

У сквера Казакова.
А рядом, как ларец,
Под солнцем серебрится
Классический дворец -
Его, а не царицын.
Хоть строил для неё,
Приказ имея грозный,
Дорожное жильё
Туристке венценосной.
Он молод был, упрям,
Он набирался силы,
И строить не царям
Мечтал он, а России.
Он всё изведаль сам.

Постигнув тайны дела,
Взбирался на леса,
Клад кирпичи умело.
И с кельмою в руках
Аж до седьмого пота.
Теория крепка,
Когда под ней - работа.
Задумал дерзко он,
Традиции нарушив,
В классический канон
Вдохнуть живую душу.
На берегу реки
У питерской дороги
Тверские мужики
Сработали чертоги.
Классическая спесь
Живуча и упряма.
Но было что-то здесь
От хаты и от храма.
Но было что-то здесь
От снов его тревожных.
Теперь он видел - есть!
Теперь он знал - возможно!
Рубеж преодолён,
Окончено ученье.
Теперь поверил он
В своё предназначенье.
Пусть будет путь суров,
Пусть цель ещё не близко...

Собрал он мастеров
И поклонился низко.
Уехал на заре...
Два века пробежало.
Царица в свой дворец
Не часто заезжала.
Стоит он над рекой,
Легендами оваян,
В история тверской
Автографом Матвея.

СТАРИЦА

*В лето 1297 срублин бысть городок
на Волзе ко Зубцову, на Старице.*

Тверская летопись

Я опять сюда приехал
Пароходом по реке.
Здесь бывшее, словно эхо,
Слышно в каждом уголке.
Здесь легенды и преданья
Встретишь среди бела дня.
Белокаменные зданья
Тайны вечные хранят.
Орудийные раскаты
И гостей заморских речь,
Что бывали здесь когда-то,
Городок сумел сберечь.
Долго в люди выбивался,
Знал разор и кабалу.
Помнит пушкинские вальсы
На вельяшевском балу
До сих пор он ждёт поэта,
Что прощался, говоря:
«Через год опять заеду
И влюблюсь до ноября».
Обещание просрочил -
Не заехал через год,
Но улыбка этих строчек
В древней Старице живёт...
Летний день высок и ясен.
Купола горят огнём.
Город Волгой подпоясан,
(окончание на стр. 9).

(начало на стр. 8).

Как серебряным ремнём.
А над ним — святым и грешным,
Набежав издалека,
Как века, плывут неспешно
Золотые облака.

ПУШКИН. ОСЕНЬ 1828 ГОДА

В журналах опять оболгали.
Как шумно ликуют враги.
И пишет доносы Булгарин,
И держат за горло долги.
«Борис Годунов» - под запретом,
В Синоде Сибирью грозят,
И Анна с опальным поэтом
Судьбу не рискует связать.
Сомненья. Наветы. Утраты.
Нападки. Дознания. «Дела».
А юность ушла безвозвратно,
А юность на ссылки ушла.
Трактиры. Перекладные.
Один. Ни двора ни кола.
Он службу несёт по России,
Но как же она тяжела!

Чиновник десятого класса,
Что вольность восславить
дерзнул,

Ещё от жандарма не спасся,
А только на миг ускользнул.
В салонах азартно болтают,
Что он искушает судьбу...
Скорей бы закончить «Полтаву»
И к чёрту послать Петербург.
В деревню! По собственной воле,
Где был по монаршей вчера.
В деревню! Куда ж ему боле?
Октябрь.
Наступила пора.

БЕРНОВО

Пути судьбы его изменчивой
Однажды привели сюда.
С тех пор Берново с ним
повенчано
Не на года, а на всегда.

О, эти осени венчальные,
Лесов октябрьских торжество!
Они срифмованы печалью
И светлой радостью его.
...Бегут тропинки заповедные
На горку с именем Парнас,
Звенят на дубе листья медные,
И свет в окошке не погас.
Я знаю, не погаснет вечно он,
В ночи мерцающей, как звезда...
Берново с Пушкиным повенчано
Не на года, а навсегда.

Две осени – одно мгновение...
Он в старицкой обрел глуши
Желанное уединение,
Целительный покой души.

* * *

И вдруг
Негаданно, неожиданно
Свернет в Берново шестерик.
«Приехал Пушкин!» -
Вскрикнет Анна...
Как долго слышен этот крик.

* * *

А. Дементьеву

Когда тебе бывает тяжело,
Когда сомненья не уходят долго –
Иди без промедления на Волгу,
Бери байдарку, легкое весло.
Едва отвяжешь ты конец
причальный –
Река, как мать, заговорит с тобой.
Растает миготом снег твоей печали
И станет каплей Волги голубой.
И здесь забудешь ты о суете,
Сомнения тебя не будут мучить.
Великая река тебя научит
Простору, постоянству, простоте.

ЗЕРКАЛО АННЫ КЕРН

В пушкинском музее города Торжка
Вот зеркало.
Стекло его туманно.

Давным-давно
В него гляделась Анна.
У бабушки, в Грузинах,
Под Торжком,
Румяная тайно
Щёки бурячком.
И подводила
Угольком глаза...
Красавица, шалунья,
Егоза.
Ещё не Керн...
Беспечна, весела.
Уже тогда
Любила зеркала.
Улыбку, взгляд
И юный жар ланит
Стекло венецианское
Хранит...
И говорят,
Что будто иногда
Та девочка
Является сюда.
В ночной рубашке,
С гребнем в волосах,
Когда глухая полночь
На часах.
Сама с собою
Тихо говорит.
Темно свеча
В руке её горит.
И тени разгоняя,
Этот свет
Вдруг озаряет
Пушкинский портрет.
А ветхая старушка
Сторожила,
Что в уголке
Посапывала тихо,
Проснулась и в испуге
Крестит рот
И Господа
В заступники зовёт.

На табуретке

Хорошая идея пришла в голову Павлу Алиеву из Сергиева Посада. Три года назад с его легкой руки по стране впервые прошла акция «Поэты на табуретке». нынешним летом тверская поэтесса, член Союза писателей России Любовь Старшинова и тверской музыкант, гитарист Александр Кольмейстер, организовали это зрелище и на Трёхсвятской улице в Твери. Именно благодаря А. Кольмейстеру, как говорят сами организаторы, это увлекательное действие состоялось в центре Твери, а не на её окраинах. В день рождения Владимира Маяковского – а именно к этой дате, 19 июля, была приурочена встреча поэтов и слушателей – звучали стихи как великого поэ-

та, так и начинающих. Прохожие аплодировали. Несколько смельчаков из публики попробовали на табуретке и собственный голос.

На снимке: стихи с табуретки читает Татьяна Михайлова

• Новые книги

О гении научно-технической разведки

Долгие годы личность Леонида Романовича Квасникова находилась в тени его знаменитых коллег, а ведь он был одним из создателей и руководителей отечественной научно-технической разведки. В годы Великой Отечественной войны Л.Р. Квасников работал заместителем резидента советской научно-технической разведки в Нью-Йорке.

Он внес большой вклад в реализацию советского ядерного проекта. После войны стал полковником и трудился заместителем начальника отдела в МГБ, а позже начальником отдела в КГБ СССР. За героизм и мужество, проявленные при исполнении специальных заданий по обеспечению государственной безопасности, полковнику Л. Р. Квасникову в 1996 году было присвоено звание Героя России.

Недавно вышла в свет книга «Гений научно-технической раз-

ведки». В ней представлены беседы с легендарным разведчиком Раисы Кузнецовой. Они посвящены жизни и работе Леонида Романовича и содержат ряд поистине уникальных фактов.

Надо заметить, что доктор исторических наук, директор музея И.В. Курчатова, член Союза писателей России, автор многих книг Раиса Васильевна Кузнецова тесно связана с андреапольским краем. Многие ее труды рождаются не только в столице, но и в деревеньке Козлово Село Торопацкого сельского поселения.

Когда-то муж Раисы Васильевны Николай Николаевич, сын легендарного советского адмирала, Героя Советского Союза Николая Герасимовича Кузнецова, бывший главный инженер Курчатковского института, ликвидатор Чернобыльской катастрофы, приобрел в Козловом Селе небольшой дом. Сейчас Николая Николаевича нет в живых, но дом стоит и по-прежнему притягивает к себе Раису Васильевну. Любопытно, что ранее в этом доме вырос андреапольский поэт Валерий Осипов.

С. Николаев

• Письмоносец

«Продолжайте свое доброе дело...»

Уважаемый «Двинский бережок», а точнее - уважаемые организаторы вестника! Вы делаете важную, серьезную работу. Чувствуется большое знание литературной жизни Тверской области, и не только Тверской. С удовольствием прочла стихи и статью земляка-великолучанина Андрея Канавщикова. Хотелось бы и дальше знакомиться с его творчеством. Интересны стихотворные подборки, краеведческие материалы, а также критические статьи Александра Бойникова, других авторов. Продолжайте свое доброе дело. Наверное, вестник требует финансовых затрат. Если Вам требуется спонсорская финансовая поддержка, сообщите, каким образом это сделать.

Е. Тихомирова,
г. Великие Луки

От редакции «Двинского бережка»

Уважаемая Е. Тихомирова, огромное спасибо за Ваш интерес к «Двинскому бережку». При необходимости, редакция может обратиться за спонсорской поддержкой к своим читателям. Пока такой необходимости нет, но, не исключено, что она возникнет в будущем

Опираясь на русские традиции

В Твери, в издательстве «СФК-офис», вышла книга «Опираясь на русские традиции» руководителя Тверского отделения Международного общественного движения «Русское Собрание», главы Калязинского района Константина Ильина. В книге представлены статьи К.Г. Ильина и его интервью по актуальным вопросам современной жизни.

СПАСИБО, РОДНАЯ ШКОЛА!

В 1936 году моего папу Гавриила Ефимовича избрали председателем Жуковского сельсовета, в состав которого входило более десяти колхозов. Из деревни Ровинка мы переехали жить на хутор Бойково, рядом с д. Жуково. В 1938 году я пошёл в школу, которая находилась в деревне Горки. Моя сестра Вера основательно подготовила меня к школе. Когда я пошёл в первый класс, то я умел читать, писать и считать до ста. В школе было два класса, большой холл между классами, раздевалка, туалет и квартира учителей Мухиных. Двое их детей учились вместе с нами. В одном классе учились одновременно первый и третий классы, в другом - второй и четвёртый.

В 1939 году началась ликвидация хуторов. Папа построил дом в деревне Жуково. Это был наш первый собственный дом. В школу мне ходить стало ближе и проще. Этой школы в деревне Горки давным-давно нет. Наш дом располагался рядом с сельсоветом и почтой. Сейчас сельсовета нет, а наш дом стоит, в нем живут люди. Жуково было административным и культурным центром всей округи. В Жуково находились сельсовет, клуб, почта, маслозавод, магазин и пекарня.

Сельсовет в составе председателя и секретаря выполнял раз-

личные функции: руководил колхозами, вел учет призывников, регистрировал браки и рождения детей, выдавал справки, решил различные споры. На почте можно было купить газеты, написать и отправить письмо, в отдельном помещении был установлен телефонный коммутатор. Телефоны были установлены только в сельсовете, библиотеке клуба и у директора маслозавода. По телефону можно было связаться с любым учреждением в Андреаполе.

В клубе были библиотека и бильярд. Два раза в месяц приезжала передвижная киноустановка и в клубе показывали немое кино. Электричества не было, поэтому двое добровольцев по очереди крутили динамо. Сам киномеханик крутил киноленту, громко читал титры, давая дополнительные пояснения происходящему на экране. После кино мы, мальчишки, долго вспоминали, обсуждали и играли в это кино. В клубе также устраивались гулянки и проводились собрания.

В мае 1941 года я окончил три класса, а 22 июня началась война. Все мужчины призывного возраста ушли в армию. В деревнях остались только старики, женщины и дети. Третьего июля на стене клуба установили репродуктор, народ со слезами на глазах слушал выступление Сталина, которое заканчивалось словами: «Наше дело правое, победа будет за нами». Через несколько дней после этого выступления папа, вернувшись из Андреаполя, по секрету сообщил нам, что принял присягу и остаётся в партизанском отряде. Нам же оставаться в Жукове нельзя. Семьи партизан немцы расстреливают или отправляют в концлагеря.

Фронт приближался. Через Жуково на восток шли подводы с беженцами, гнали скот. Однажды отступающие военные оставили нам раненную лошадь, дальше она идти не могла, мы с Верой её пасли и лечили. Дважды над Жуково мы наблюдали воздушные бои. В одном из них наш лётчик очень сильно прижал к земле немецко-

го асса. Немец, совершил посадку на поле за озером Бойно. Но когда наш самолёт улетел, немцу удалось взлететь и улететь на запад.

Однажды папа пришёл домой с каким-то мужчиной и сказал: - Срочно собирайтесь на выезд.

Мужчина заколол нашего поросёнка, порубил его на куски. Мама Агриппина Павловна посолила и сложила мясо в бочку. Мы собрали свои вещи, бочку с мясом и загрузили все это в телегу. Сбоку я спрятал берданку стремя патронами. В берданке было три патрона. Я очень просил папу взять меня с собой в отряд, говорил, что я хорошо стреляю (мой старший брат Виктор научил меня этому еще в семилетнем возрасте), могу пойти в разведку лучше взрослого, немцы не обратят на меня особого внимания. Но папа не согласился. Он сказал, что я единственный мужчина и обязан защищать маму и Веру. Папа разложил на столе карту Калининской области, положил на неё деревянный метр, красным карандашом привёл жирную линию от Жуково до Сонково:

— Держитесь этой линии. Прогоним немцев, и я буду знать, где вас искать. Обязательно регистрируйтесь в каждом райцентре.

На каждом перекрёстке или развилке я доставал карту, и мы определяли, по какой дороге ехать. В пути к нам присоединились ещё две семьи, в том числе и семья второго секретаря райкома партии Михайлова в составе: бабушка, жена и трое детей,

(продолжение на стр. 12).

(начало на стр. 11).

включая грудного ребёнка. Теперь наш обоз состоял из трёх подвод. У нас на 11 человек было три лошади, две коровы и около четырёх пудов свиного мяса в бочке. Ночевали, как правило, на опушке леса.

Выбирали хорошее пастбище для наших животных.

В Селижарово при регистрации в райкоме мы сказали, что хотели бы остановиться здесь. В одной деревне (к сожалению, забыл её название) освободили для нас канцелярию колхоза.

Народ встретил нас приветливо. Председатель попросил взрослых помогать колхозу с уборкой урожая, а в качестве платы за работу, кроме начисляемых трудовых, разрешил брать с поля овощи. Он сказал также, что наши лошади измучены, на колхозные работы брать их не будут. Но попросил не отказывать колхозникам, когда те обратятся к нам взять лошадку для работ на своем приусадебном участке. За это колхозники благодарили нас продуктами питания.

Недалеко от деревни располагался военный хлебозавод. Мимо нашего дома часто шли машины с хлебом. Мы, детвора, высыпали на крыльцо и солдаты прямо с машины на ходу бросали нам одну, а иногда и две три буханки вкусного свежего хлеба. Так что в Селижарово по военному времени мы жили очень даже хорошо. Первые пару недель активно доедали нашего поросёнка. Куски мяса мама обмазала тестом и запекла их в печке. Получилась необыкновенно вкусная буженина.

В этой деревне с первого сентября я пошёл в четвёртый класс. Но учиться пришлось недолго: немцы наступали, и мы снова двинулись в путь. Кстати, в этой деревне нас нашёл папа. Он переходил линию фронта с донесением и заскочил к нам на один день. Папа с донесениями переходил линию фронта дважды и возвращался обратно в партизанский отряд.

Дальнейший путь оказался более тяжёлым. Пришёл сентябрь, ночи стали холодными, ночевать в лесу мы уже не могли. Приходилось проситься на ночлег, искать бригадира и просить колхозное сено для нашего скота. Многие хозяйки, пу-

стив нас на ночлег, пока мы управлялись со скотом, варили нам суп, и пусть в нем не было мяса, он был горячим и все равно вкусным. А если к нему давали ещё и несколько кусочком хлеба, то мы были счастливы и от всей души благодарили хозяйку. Поев горячего, засыпали на полу или на сеновале. За день очень уставали, так как всю дорогу (за исключением грудного ребёнка и шестилетней девочки) шли пешком за телегами, помогая лошадям на плохой просёлочной дороге. Ежедневно преодолевали 30-35 км.

В местах, где хорошая трава, распрягали лошадей и часа два давали возможность пастись. По дороге на убранных колхозных полях на ходу раскапывая палочкой землю, мы находили картошку, которую варили и ели на стоянке. На зерновых полях собирали колоски, разминали их руками и ели зерно. Иногда нам попадала морковь и капуста. Случалось, военные, идущие нам навстречу, на фронт, угощали нас сухарями, куском сахара или банкой тушенки. Своё у нас было только молоко, которое пили парным, сразу после дойки, оставляя запас только для двух малышей.

Дважды нас обстреливали немецкие самолёты. Хотя летчики прекрасно видели, что за телегами идут только женщины и дети. Первый раз мы свернули и укрылись в лесу. Второй раз - с трудом добрались до деревни и слышали, как пули стучали по крышам домов.

Так доехали до Рамешковского района. По указанию райкома в большой деревне для нас также освободили канцелярию колхоза. В этой деревне жили карелы. Они были очень богатые, имели запасы зерна на пять-шесть лет, держали кровов, свиней, кур. У них не было бань, ни общественных, ни личных. Карелы мылись в печке, и нам поневоле пришлось осваивать этот метод. В их печках был высокий потолок - и взрослый человек мог свободно сидеть в печке.

Наших лошадей сразу забрали в колхоз. Коров нам негде было держать, нечем было их кормить. Начиналась зима, уже выпал снег, поэтому одну коровы зарезали, а вторую, нашу, продали за 10 пудов зерна и муки. Все это наше общее богатство хранилось в чулане в большом коридоре. Пока было мало снега, мы ходили по капуст-

ным полям и собирали хорошие листья, иногда попадались маленькие кочны. Так мама засолила капусту в зиму, и несколько кочанов оставила свежими. На картофельных полях, раскапывая землю палками, набрали несколько мешков слегка примороженной картошки.

Однажды я сидел у окна и увидел, как в дом напротив вошли двое военных. Они очень быстро вышли на улицу, о чем-то посоветовались и направились к нашему дому. Открыв дверь в коридоре, я пригласил их в дом. Они остановились у порога и, глядя на четырёх женщин, стоявших посреди избы, старший спросил:

– Можно у вас погреться?

Женщины засуетились, предложили им раздеваться, бабушка вытащила из печки чугунок с кипятком, набрала воду в кружки, поставила на стол и предложила солдатам попить горячего:

– Только без заварки, её у нас нет.

Старший достал из рюкзака чёрные сухари и кусок сахара. Сахар на ладони ножом перерубил на маленькие кусочки и предложил нам присоединиться к ним. За чаем разговорились. Мы расспрашивали солдат о положении на фронтах, а они - о нашей жизни. В ходе беседы они сказали, что обошли пять домов в поиске ночлега, но их нигде не пустили дальше порога.

Ночевали они у нас. Утром старший развязал другой рюкзак и положил на стол большой моток ниток, две пачки иголок и два куса мыла. Это был царский подарок.

Женщины размотали моток ниток на клубочки. На следующий день мы с Виктором, так звали четырнадцатилетнего мальчика, пошли в соседнюю деревню менять нитки и иголки на хлеб.

Деревня была небольшая, но там жили русские. Мы зашли в первый дом. Хозяйка подробно спрашивала, кто мы такие и зачем пришли в их деревню. Мы рассказали - и показали клубочек ниток и иголки. Узнав, что у нас десять клубочков, хозяйка сказала:

– Сидите, грейтесь, я скоро вернусь.

Вскоре она вернулась, а вслед за ней пришли ещё три женщины. Они поделили между собой нитки и иголки, одна из них пригласила нас с собой накормить

(продолжение на стр. 13).

(начало на стр. 11-12).

щами. Пока мы ели щи, женщины принесли нам три краюхи хлеба, кусочек сала, два десятка яиц и бутылку постного масла. Мы со слезами на глазах принимали эти дары. Одна из женщин сказала:

- Если у вас остались нитки, или есть ещё что-то - приносите нам. Я скоро буду резать поросёнка - дам вам мясо.

Обогретье, обласканные и накормленные, мы возвращались домой и очень жалели, что нас разместили не в этой деревне. Туда мы ходили ещё два раза. И всегда возвращались с дарами.

Но настал день, когда нечего было есть, поскольку нечего стало менять. Наши младшие, шестилетняя девочка и семилетний мальчик, заявили, что пойдут просить хлеб. Они вернулись скоро, положили на стол несколько маленьких кусочков засохшего хлеба и заплакали.

В подвале нашего дома, хранится колхозный картофель. Его загрузили в подвал через дверь, которая выходила на улицу. Дверь закрыли на замок. Мы не могли брать чужое, но, увидев голодных плачущих детей, мама скомандовала:

- Ищите возможность достать картошку.

Мальчишки стали ползать по полу и проверять каждую половую доску. Одна из них слегка покачивалась. Засунув в щель топор, мы подняли и повернули доску на бок. Мама стала набирать картошку в ведро, а мы с Верой, боясь, что маму арестуют, просили её не делать этого, мы потерпим. Но мама набрала целое ведро картошки, после чего мы установили доску на место. Сваренную картошку ели целиком, вместе со шкуркой. Теперь мы были спасены.

После разгрома немцев под Москвой мы воспрянули духом и с нетерпением следили за сводками Совинформбюро, ежедневно покупая газету на почте. Радио у нас не было.

Ждали, когда освободят наш район. Дождались - и сразу все три семьи отравили письма родным. Ведь они не знали, где мы и что с нами. Когда получили ответ от папы, Вера стала проситься домой. Мама долго не решалась отпускать её одну. Но папа написал: «Пусть приезжает». И Вера уехала.

Мы же не могли уехать до весны. Во-первых, было холодно, а у нас не было зимней одежды,

во-вторых, где кормить лошадей, если нет травы. Папа написал, чтобы мы не волновались и не трогались в путь. За нами он пришлёт колхозника из деревни Ровинка. За это он обещал колхозу отдать нашу лошадь. Приехавший колхозник сначала отремонтировал наши телеги.

Наших лошадей карелы замордовали так, что от них остались только кожа да кости. И когда мы поехали, лошади стали падать в упряжке. Выбрав место с хорошей травой, мы сделали остановку для откорма лошадей. Спали в телегах, сделав над ними шатёр из веток. Грелись у костра, на котором варили похлёбку из щавеля и молодой крапивы. Откормленные лошади пошли веселее, мы все спешили домой. Привалы делали только для откорма лошадей. Когда ехали по партизанской зоне, на обочинах лесных дорог видели остовы сгоревших немецких машин и представляли себе, какие здесь шли бои.

Папа встретил нас в Андреаполе. Потом поехали в Жуково. Колхозы было не узнать: немцы разграбили все и увели лошадей. В деревне Ровинка была только одна (наша) лошадь. Но несмотря ни на что, колхозы должны были давать продовольствие стране. В плуги и бороны впрягались женщины и дети. После такого изнурительного труда вечерами лопатами перекапывали свой огород.

В Жукове жили недолго. Папу назначили директором «Заготзерно», мы переехали в Андреаполь. Занимали половину дома на улице Горская, 6. Город, особенно аэродром и железнодорожную станцию, немцы часто бомбили. Боле месяца они делали налёт точно в 24:00, хоть часы проверяй. Раз два бомбы взрывались вблизи от нашего дома.

В стране действовала карточная система. Все продовольствие было по карточкам. Папе, как служащему, было положено 500 граммов хлеба в день - и 500 граммов сахара на месяц, а остальным членам семьи по 300 граммов хлеба и 300 граммов сахара, соответственно. Всего наша семья получала 1400 граммов хлеба в день и 1400 граммов сахара на месяц. Мама очень

любила чай. Мы с Верой прятали часть своих кусочков, а когда сахар заканчивался, отдавали их маме.

В июне 1942 года по радио объявили сбор всех школьников у школы. Оказалось, что старшим классом в Андреапольской средней школе будет седьмой класс. Учиться в 8, 9 и 10- классах было некому. Все дети этого возраста были призваны и направлены в школы фабрично-заводского обучения.

Директор попросил мальчишек поработать на восстановлении школы, которая была сильно повреждена. Мы набивали на стену лучинки, на которую малыры потом клали штукатурку.

Также мы ходили по домам и собирали книги, тетради, ручки, карандаши, линейки - в общем, все, что нужно для учёбы.

Первого сентября 1942 года я пошёл в 4-й класс. По большинству предметов было по 2-3 учебника на класс. Писали в основном на газетах. Иногда папа приносил мне из типографии бракованные газеты, у которых одна сторона была чистая. Я их разрезал и прошивал как тетрадь. Для восстановления наших сил в школе на большой перемене давали стакан клюквенного морса и кусочек чёрного хлеба. Зимой мы часто сидели за партами в одежде.

После того, как у школы кто-то из мальчишек взорвал гранату, военрук прошёл по классам и попросил любое оружие и боеприпасы нести в школу: «Если это оружие у вас найдут, то отберут, а вашим родителям придётся отвечать за незаконное хранение огнестрельного оружия. А в школе, мы будем учиться умению с ним обращаться».

(продолжение на стр. 14).

(начало на стр. 11-13).

За два дня в школу принесли столько оружия, что для его хранения освободили целый класс. Были русские и немецкие винтовки, автоматы, патроны, гранаты и даже мины. В классе оборудовали пирамиды для хранения оружия и длинный стол для его разборки, чистки и сборки. Мы часто ходили стрелять в самый конец кладбища. Мишени устанавливались у высокой железнодорожной насыпи перед разрушенным мостом. Стреляли все, в том числе и девочки. Военрук организовал даже караул в строгом соответствии с уставом гарнизонной службы. Караул около месяца охранял школу пока через него не прошли все мальчишки.

Однажды была организована военная игра. Пять мальчишек с автоматами ушли в засаду к лесу. Школа наступала по полю. У многих наступающих были боевые винтовки. Патроны нам, конечно, не выдавали, но у нас были свои. Взлетела красная ракета, и наступающие с криком «Ура!» пошли в атаку. Из цепи наступающих раздались выстрелы. Мы открыли огонь из автоматов короткими очередями. Цепь залегла. Снова взлетела ракета. Опять атака и снова огнём из автоматов мы «кладем» всех на снег. На третьей атаке мы израсходовали все патроны. И стали думать, куда бы спрятаться, чтобы нас не взяли в плен. Но взлетела зелёная ракета - «отбой» игры. И мы, непобежденные, пошли навстречу наступающим. На игре присутствовали работники райкома комсомола и военкомата. Потом нам рассказали, что когда началась стрельба, второй секретарь райкома комсомола подбежал к военруку и закричал:

- Немедленно прекратите игру! Они сейчас перестреляют друг друга!

Военрук ответил:

- Не перестреляют. Все у кого сейчас в руках боевое оружие, хорошо им владеют.

И дал вторую ракету.

На следующий день к школе подъехал грузовик, в него загрузили все наше оружие, оставив только два автомата и 3 винтовки. Потом нам вернули ещё 5 винтовок с просверлённой дыркой на патроннике - стрелять из них уже было нельзя.

Да, мы, дети войны, неплохо

владели оружием. И брались разряжать все, что попадалось нам под руку. На аэродроме, когда улетал на запад один полк и не успел прилететь другой, мальчишки находили разбитые железобетонные бомбы. Свинчивали с них взрыватели, на костре выплавляли тол. Однажды двое братьев нашли большую ржавую бомбу. Взрыватель никак не хотел свинчиваться. Они пошли домой, взяли топор, молоток и продолжили работу.

Раздался взрыв. От мальчишек не осталось почти ничего. Мой шестилетний двоюродный брат погиб, пытаясь дома разобрать взрыватель от миномётной мины. Два осколка пробili ему грудь. На полу валялись плоскогубцы и молоток. Последней жертвой войны, уже после её окончания, в Андрееполе стала ученица нашей школы. Она перекапывала свой огород и лопатой задела мину. Раздался мощный взрыв. Этот огород до этого перекапывался десятки раз.

Ежегодно, начиная с пятого класса, в период с конца июля и до конца сентября, все ученики работали в колхозах на уборке урожая. Это организовывалось так: класс под руководством учителя направлялся в какой-либо колхоз. В колхозе детей закрепляли за одним или двумя домами по 10-15 человек, хозяйки которых освобождались от колхозных работ и были обязаны готовить еду и кормить детей. Колхоз обеспечивал хозяек продуктами, иногда для нас резали барашка. Мы, мальчишки, спали только на сеновалах. Некоторые девочки в холодные ночи спали в доме. За эту работу нам ничего не платили, но кормили хорошо.

Нашим хозяйкам начислялись трудодни.

Первого сентября 1945 года на базе двух седьмых классов был сформирован один восьмой. В нем было всего четверо парней: я, Иванов Геннадий, Кириллов Алексей и Кяремяги Владимир. Остальные - девочки. С восьмого класса мы начали отмечать почти все крупные праздники вместе. У кого-либо из девочек накрывался стол, за которым собирался весь класс.

Нам запрещалось ходить на танцы в городской клуб. Но на все крупные праздники, а иногда и просто в субботу, вечера отдыха организовывались в школе. На втором этаже были большой зал, класс со сценой, пионерская комна-

та. Здесь проводились репетиции, школьные концерты, собрания и танцы. А на Новый год устанавливалась большая ёлка. Я был очень разочарован, когда через много лет после окончания школы, поднявшись по лестнице на второй этаж, попал в длинный коридор с обычными классами по обе стороны.

После окончания 9-го класса нас, четырёх мальчишек, направили работать на комбайн по уборке зерновых. Мы так хорошо сработались с комбайнером, что переезжали с комбайном из одной деревни в другую до начала занятий в школе. Так работали в колхозах мы, горожане. Дети, которые ходили в школу из ближайших деревень, работали в своём колхозе вместе с родителями все лето.

В школе я учился хорошо, но круглым отличником не был. Несмотря на старания учительницы русского языка и литературы Эльвиры Александровны, по русскому языку перебивался с тройки на четверку. Зато по литературе у меня всегда были пятёрки, а многие стихи и монологи, которые Эльвира Александровна давала учить наизусть, помню и сегодня. Она обращала внимание не только на точное запоминание текста, но и на то, с каким чувством и выражением их читали. Мне довелось читать Пушкина на концертах, которые давала школа, в городском клубе и близлежащих деревнях. Моими любимыми предметами были математика (арифметика, алгебра, геометрия, тригонометрия) и физика. Особенно после того, как у нас появилось прямо со студенческой скамьи учительница

Екатерина Николаевна - после замужества Шимкевич. На её уроках всегда царила деловая, рабочая обстановка. Мы с Володи́ей Кяремяги считались самыми сильными математиками в классе. И если какое-то домашнее задание выполняли только я и Володя, у нас его никто не списывал. И на вопрос Екатерины Николаевны все ли справились с домашним заданием, класс дружно отвечал: - Нет!

Тогда Екатерина Николаевна вызывала к доске одного из нас, чтобы подробно, детально со ссылками на теоремы и формулы объяснить ход решения. Если второй не соглашался с таким решением, то он выходил к доске, говорил,

(окончание на стр. 15).

Аня Задueva**Люся Варрес****Тамара Добринская**

(начало на стр. 11-14).

с чем он не согласен и кратко излагал свой вариант. Последнюю точку в таком споре ставила Екатерина Николаевна. После такого детального разбора эту тему усваивал весь класс, а первый вызванный к доске получал пятёрку. Тетради для проверки домашнего задания в этом случае не собирались.

Наш историк - Шимкевич Эдуард Эдуардович был для всех нас примером и образцом достойного поведения. На его уроках мы всегда узнавали много нового, чего не было в учебниках. Он учил нас быть патриотами. Наш военрук Иван Иванович, я думаю, не имел педагогического образования. Но он, фронтовик, хорошо знал своё дело. Он научил нас, в том числе и девочек, владеть стрелковым оружием, хорошо стрелять.

Изучение немецкого языка мы начали с 7-го класса и относились к нему, как к языку врага, но нашей учительнице немецкого языка удалось заложить хороший фундамент, который мне очень помог. Огромное ей за это спасибо. К сожалению, я не помню её имени и отчества, но, если мне не изменяет память, её фамилия была Шимкевич (немецкий язык мне очень пригодился, на нем в 1967 году я сдавал экзамены, когда учился во Всесоюзном заочном электротехническом институте связи. На нем я общался с немцами в период своих командировок в Германию).

В общем, я считаю, что у нас были очень хорошие учителя, и они хорошо подготовили нас для дальнейшей взрослой жизни.

В самом начале учёбы в девятом классе в школу пришёл прибывший в отпуск бывший выпускник, курсант Высшего Военно-Морского училища Анатолий Стрелков. После беседы с ним мы, все четверо, решили поступать в морские училища. В 10-м классе нас поставили на учёт в военкомате, а за месяц до выпускных экзаменов мы пришли в военкомат и попросили после сдачи экзаменов направить нас в высшие военно-морские училища. Нам сказали, что разнарядки в морские училища нет, они направят нас в лётные, танковые или общевойсковые училища по нашему выбору. Поэтому после сдачи экзаменов, получив аттестаты, мы тайком от военкомата уехали в Ленинград, а точнее в Петродворец, где находилось училище связи.

Набор курсантов в училища проходил следующим образом: всех прибывших в течение суток зачисляли на котловое довольствие и проверяли их документы. На следующий день эта команда проходила медкомиссию. Генка Иванов не прошёл по зрению, получил обратно документы и уехал домой. Нас осталось трое. А во всей команде - 52 человека, из них 4 поступающих вне конкурса. Это нахимовцы и отслужившие срочную службу. Команда в основном состояла из москвичей и ленинградцев. Экзамены шли ежедневно. Первый экзамен - математика письменная, второй - математика устная. Тех, кто сделал ошибки на письменной, «дожимали» на устной. После устного экзамена вернули документы Алексею Кириллову. Он уехал в Ленинград и поступил в институт.

Нас осталось двое: я и Володя Кяремаги. Мы успешно сдали все экзамены и были зачислены курсантами. Я на факультет радиосвязи, а Володя - радиолокации. Из всех поступающих (52 человека) зачислили только десять, в том числе четырёх вне конкурса. Следовательно, мы выдержали конкурс восемь человек на одно место, за что были очень признательны Екатерине Николаевне Шимкевич.

В своём самом первом альбоме я нашёл 5 фотографий выпускников Андреапольской школы 1949 года. Три одиночные фотографии девочек - Ани Задуевой, Люси Варрес и Тамары Добринской. Две групповые. На одной из них четыре выпускника Андреапольской средней школы 1949 года. Очень жаль, что после выпускного вечера мы со своими одноклассниками коллективно ни разу не встречались, но чувство благодарности родной школе я храню до сих пор.

Если бы школа, отмечая свое 100-летие, объявила день своего рождения днём ежегодных встреч выпускников, это было бы очень полезно не только для старых, но и будущих выпускников.

Василий Ефимов,
капитан первого ранга в отставке, выпускник Андреапольской средней школы 1949 года.

г. Москва

Золотой запас

Сергей Есенин

(1895-1925)

ДЕНЬ УШЁЛ, УБАВИЛАСЬ ЧЕРТА...

День ушёл, убавилась черта,
Я опять подвинулся к уходу.
Лёгким взмахом белого перста
Тайны лет я разрезаю воду.

В голубой струе моей судьбы
Накипи холодной бьётся пена,

И кладёт печать немого плена
Складку новую у сморщенной губы.

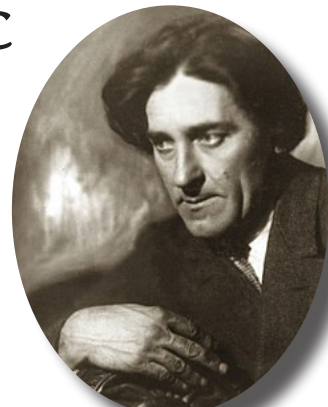
С каждым днём я становлюсь чужим
И себе, и жизнь кому велела.
Где-то в поле чистом, у межи,
Оторвал я тень свою от тела.

Неодетая она ушла,
Взяв мои изогнутые плечи.
Где-нибудь она теперь далече
И другого нежно обняла.

Может быть, склоняясь к нему,
Про меня она совсем забыла
И, вперившись в призрачную тьму,
Складки губ и рта переменила.

Но живёт по звуку прежних лет,
Что, как эхо, бродит за горами.
Я целую синими губами
Чёрной тенью тиснутый портрет.

1916 г.

Сергей Клычков

(1889-1937)

БЕЖИТ ИЗ ГЛУБИНЫ ВОЛНА...

Бежит из глубины волна,
И, круто выгнув спину,
О берег плещется она,
Мешая ил и тину...
Она и бьется, и ревет,
И в грохоте и вое
То вдруг раскинет, то сорвет
Роскошье кружевное...
И каждый камушек в ладонь
Подбросит и оближет
И, словно высеки огонь,
Сияньем сквозь пронизает!..
Так часто тусклые слова
Нежданный свет источат,
Когда стоустая молва
Над ними заклокочет!..
Но не найти потом строки
С безжизненной речью,
Как от замолкнувшей реки
Заросшего поречья!..
Нет прихотливее волны,
И нет молвы капризней:
Недаром глуби их полны
И кораблей, и жизней!..
И только плоть сердечных дум
Не остывает кровью,
Хоть мимо них несется шум
И славы, и злословья!..

1929 г.

Фёдор Тютчев

(1803-1873)

ВНОВЬ ТВОИ Я ВИЖУ ОЧИ

Вновь твои я вижу очи –
И один твой южный взгляд
Киммерийской грустной ночи
Вдруг рассеял сонный хлад...

Воскресает предо мною
Край иной - родимый край -
Словно прадедов виною
Для сынов погибший рай...

Лавров стройных колыханье
Зыблет воздух голубой
Моря тихое дыханье
Провекает летний зной,

Целый день на солнце зреет
Золотистый виноград,
Баснословной былью веет
Из-под мраморных аркад...

Сновиденьем безобразным
Скрылся север роковой,
Сводом легким и прекрасным
Светит небо надо мной.

Снова жадными очами
Свет живительный я пью
И под чистыми лучами
Край волшебный узнаю.

1849 г.